

УДК 130.2:008

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.068

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ КАК СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ «АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАУК»

В.Ю. Лебедев¹, А.М. Прилуцкий²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

² ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург

Информационные скандалы являются отличительной чертой современных «альтернативных наук». Если академическая наука традиционно старается избегать скандализации, то всевозможные «альтернативщики» активно используют информационные скандалы для привлечения общественного внимания к различным экстравагантным теориям. В условиях современного информационного общества подобные скандалы легко монетизируются, что приносит их участникам вполне материальные дивиденды. Данная статья посвящена анализу подобных информационных скандалов, авторами предложена их типология, основанная на специфике прагматики. Статья написана в рамках семио-герменевтического подхода к изучению сложных социо-культурных феноменов, в качестве иллюстраций использованы оригинальные публикации, размещенные преимущественно в сети Интернет.

Ключевые слова: *фейковая информация, типология скандала, теории заговора, наука, культура.*

Активное развитие «альтернативных наук» в области гуманитаристики, будь то продолжающая активно развиваться «новая хронология» А.Т. Фоменко или переживающая спад псевдо-эпиграфика В.А. Чудинова, являющихся яркими социальными и культурными феноменами, свидетельствует о том, что в информационном обществе наблюдается кризис критического восприятия информации (отчасти такое положение дел было отчетливо заметно на поздних этапах эволюции «гуттенберговской культуры»). В наибольшей степени данный кризис затронул СМИ, которые сегодня не только не могут гарантировать читателю отсутствие фейковых новостей, но и даже предоставить минимальные условия, необходимые для верификации. Именно на этом специализируются блогеры-разоблачители – жанр, становящийся все более распространенным. Более того, распространение фейков перестает восприниматься обществом как фактор дискредитации и не влияет на авторитет СМИ, по крайней мере на его популярность. Появляется нечто вроде постоянной информационной погрешности. Полагаем, что одной из причин этого является то, что основным критерием, влияющим на популярность СМИ, сегодня является не достоверность информации и

глубина аналитики, но способность заинтересовать читателя (причем аттрактором внимания может быть почти все что угодно – принцип, ярко реализованный в «желтой прессе»), для чего могут использоваться самые фантастические предположения, в том числе и мимикрирующие под научные теории. Это облегчается общим подъемом культурности и начитанности (часто сумбурной и поверхностной, А. Китаев-Смык называет такую эрудицию псевдотворческой и оглуляющей, но поддерживающей, например, целый сектор шоу-бизнеса) [5, с. 425–427]. На уровне общественного восприятия граница между научным и паранаучным знанием истончается, благодаря чему последнее наделяется респектабельностью, на которую ранее могла претендовать исключительно академическая наука. У ряда индивидов такой границы нет изначально, эклектические взгляды там сформированы изначально и безрефлективно.

То, что массовая начитанность слабо коррелирует с аутентичными компетенциями в области хоть каких-то научных исследований и взглядов, подтверждается качеством публикаций ряда гуру неклассической и нетрадиционной науки. Памятен яркий пример: лекции о вреде алкоголя, где, помимо иных научных откровений, процесс изготовления вина объяснялся испражнением в него бактерий. Лектор рисовал на доске бактерию в разрезе, находя у нее хорошо развитый пищеварительный тракт. По идее даже не очень хорошее знание того, что бактерии принадлежат к той большой группе организмов, которые имеют существенно иную морфологию, а бактерии осуществляют обмен со средой с помощью трансляции через мембрану (не говоря уже об отдельной классификационной группе грибов и их физиологии), должно вызвать безусловное отторжение подобных откровений. Однако аудитория демонстрировала признаки «когнитивного молчания». Или же просто отсутствия знаний вообще. Ситуация предельная, зато очень показательная.

Однако, будучи информационным продуктом, предназначенным для массового, в том числе коммерческого распространения, нарративы «альтернативных наук» должны быть надлежащим образом оформлены и поданы. В качестве инструментов их продвижения могут использоваться традиционные технологии продвижения информационного продукта: грамотное полиграфическое оформление, реклама, использование эффекта завышенной валидности, достигаемого благодаря конструированию образа «академического ученого» при помощи указания на членство в различных научных обществах, организациях, общественных академиях и т. д. «Академичность» может использоваться как имитативный образ или наоборот, как адресат полемики (классический пример торпедирования академичности – см.: [3]), потенциал генерирования скандала высок в обоих случаях, различны лишь сценарии.

Наряду с этим активно используются и информационные технологии, традиционно академической наукой не используемые и даже в определенном смысле воспринимающиеся как дискредитирующие. Это прежде

всего различные формы информационного скандала. Консервативное по своей природе научное сообщество относится к последним с известным недоверием, а сам факт участия ученого в телевизионном шоу с элементом скандальности часто не только вызывает осуждение со стороны коллег, но и способен негативно повлиять на научный авторитет. При этом даже благая цель подобного участия, например, публичное опровержение лженаучных построений, может лишь отчасти стать реабилитирующим фактором: сам факт обсуждения лженауки часто оценивается научным сообществом негативно в соответствии с концепцией «окно Овертона».

Если академическая наука дистанцируется от информационного скандала, то представители «альтернативных наук» активно используют последний в качестве успешной маркетинговой стратегии. В скандале может использоваться в качестве инверсии презентация героического противника академизма, мужественной жертвы травли со стороны ученого сообщества.

Контент-анализ нарративов «альтернативной науки» позволил нам выявить основные типы используемых в таком качестве информационных скандалов, это:

1. Конспирологический скандал, возникающий в результате интерпретации социальных процессов и явлений как результата целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к данным явлениям и процессам [9].
2. Идеологизированный скандал, приписывание нейтральным научным фактам политического и идеологического содержания и оценка достоверности подобных фактов в соответствии с оценками соответствующих идеологем. В определенном смысле этот прием напоминает гипертрофированную версию принципа партийности, используемого в советской гуманитаристике.
3. Скандальная по своей сути апелляция к этническому фактору, акцентирующая (часто при помощи инсинуаций) этническую принадлежность оппонентов как не относящихся к титульной нации.
4. Обвинения в плагиате.
5. Обнародование сведений, относящихся к личной жизни, различных семейных неурядиц.
6. Географическая локализация «подлинного знания» и деятельности по его обретению.
7. Перевод «открытий» в эзотерическое поле, что автоматически делает нежелательную критику невозможной.

Как мы увидим далее, подчас между ними не бывает четкой границы, возможна контаминация. Кроме того, в порядке социально-семиотической реакции, несущей еще и защитный характер, появляются разного рода пародии, инвертированные образы, используются приемы инверсии и травестики. В этих случаях эффект собственно антинаучного нарратива и его реактивной инверсии суммируется.

Конспирологический скандал, как правило, представляет собой вариации на тему «академическая наука скрывает», причем предмет сокрытия носит вариативный характер: если в «новой хронологии» постулируется целенаправленное сокрытие подлинной хронологии исторических событий и грандиозные фальсификации археологических исследований, датировок и т. д., то в псевдо-эпиграфии Чудинова и его последователей предметом сокрытия являются многочисленные надписи на камнях, артефактах, космических телах и т. д. и т. п. В области медицинских наук сокрытию подлежат лекарства, методики лечения и профилактики. При этом не всегда ясно мотивируется такое сокрытие – видимо, сомневаться в его наличии само по себе неприлично и с высокой вероятностью выдает сторонника «академических душителей подлинной науки». Сюда же относятся обвинения в сокрытии по разным мотивам: устранение конкурентов, желание, чтобы люди не получили пользу (последнее – обычно в сфере биомедицинских наук и соответствующих технологий). Конспирология вообще является распространенным приемом, используемым для продвижения различных паранаучных и псевдонаучных концепций, поскольку ее методы позволяют дискредитировать любые аргументы против: они всегда могут быть в гуманитаристике объявлены подложными, основанными на глобальной фальсификации. Так, Е. Тепляков считает, что внедрению дивной методики воспитания мешают академические структуры и все, чье мировоззрение ими сформировано. В результате «случай Теплякова» практически не обсуждается всерьез, ряд известных интернет-ресурсов представляют и обсуждают великого педагога и его деятельность (напр., канал [8]) на уровне анекдотов и острот.

Для создания неакадемической оппозиции могут использоваться имена, сфера компетенции носителей которых смещается и увеличивается вплоть до универсальной (спекуляции на имени Вернадского). Возражать таким авторитетам – *mauvais ton*. Впрочем, искусственное расширение авторитетности и преувеличение значимости является универсальным приемом, встречающимся в границах разных нарративов.

Идеологизированный скандал представляет собой предание гласности, причем в наиболее эпатирующей форме, различных инсинуаций, позволяющих заявить, что представители академической науки реализуют не научные, но политические цели, например, опровергая длительную историю докириллической славянской письменности, они целенаправленно транслируют идеологемы, формирующие чувство этнической неполноценности. В данном случае оппоненту априорно предписывается нарушение принципов научной объективности ради достижения идеологических целей.

Скандалная по своей сути апелляция к этническому фактору, акцентирующая (часто при помощи инсинуаций) этническую принадлежность оппонентов как не относящихся к титульной нации, является популярным приемом скандализации гуманитарного псевдонаучного дискурса. Так, уже

упомянутый В.А. Чудинов неоднократно заявлял, что неприятие его экстравагантных теорий академической наукой обусловлено национальным фактором, а именно нежеланием и неспособностью «нерусских ученых» разбираться в проблемах этимологии и эпиграфики русского языка. Данные инсинуации сопровождались перечислением «нерусских фамилий» современных авторитетных ученых, что должно было у далекого от гуманитаристики читателя сформировать если не представление об этническом, причем антирусском заговоре академических ученых, то убеждение, что люди с подобными фамилиями не могут восприниматься как авторитеты по вопросам русской культуры. При развитии «этнического подхода» происходит его развертывание в противопоставление целых научных парадигм и ментальностей. Именно так в свое время возникали «арийские» и «неарийские» модели науки. К последним был относим, например, А. Эйнштейн. В. Чудинов периодически подчеркивал неславянские никнеймы некоторых участников проекта «Чудинология», напр., «Хелминен». Известны такие приемы, как выявление «настоящих» имен и фамилий, попытки выявления таковых у родственников и т. д. Иногда на интернет-ресурсах публикуются целые подборки «настоящих антропонимов». Так, на одном из подобных интернет-ресурсов разбирался вопрос об этнической принадлежности известной врачебной династии. При этом предложенное одним из членов этой династии лекарство безосновательно объявлялось не улучшающим, а ухудшающим течение болезни. Здесь возможно сочетание с уже рассмотренными конспирологическими теориями.

Отсюда понятно появление и использование травестирующего приема в виде использования псевдонимов, никнеймов, событий и целых вымышленных биографий, которые должны раздражать и провоцировать представителей псевдонауки. На ресурсе «Чудинология» встречается запись с поздравлением Чудинова с днем рождения при уточнении, что поздравляющие празднуют его, якобы сидя в израильском ресторане.

Приведем еще несколько примеров. Конспирологические идеологемы использовал В.И. Петрик для дискредитации своих критиков [4]. Блогеры, претендующие на статус «исследователей» трагедии туристической группы Игоря Дятлова, активно используют конспирологические мифологемы и идеологемы для формирования остросюжетных нарративов, причем горизонты конспирологической герменевтики исключительно широки, они включают в себя как действия советских и американских спецслужб, так и мифологию кровавого навета, приписывающую народности манси совершение тайных человеческих жертвоприношений. Последнее вызвало возмущенные комментарии уполномоченного по правам человека в Свердловской области и профессиональных этнографов [1].

Своеобразным вариантом является обвинение в принадлежности к малой конфессиональной группе, что часто увязывается с этнической принадлежностью как в прямом постулировании (принадлежит к конфессии X, как все, кто по этническому происхождению Y), так и в обратном (несмотря

на этническую принадлежность, А имеет, однако же, конфессиональную принадлежность Б). Таким образом можно просто риторически усиливать шельмование с использованием дискурсивного компонента «этническая принадлежность» или же вводить имплицату особой злокозненности, намеренной мимикрии и т. п., раздувая параноические настроения у читателей или слушателей.

Обвинения в плагиате часто смешны уже потому, что абсурдные, неоригинальные или безграмотные взгляды просто не могут быть нужны никакому реальному исследователю, вообще человеку, имеющему прямое отношение к науке. Производятся манипуляции с валидностью и прагматической значимостью: интерес к некоему «исследованию» преподносится как заведомо вызывающий интерес и зависть у представителей противоположного лагеря, что якобы доказывает серьезность этих изысканий. Так, например, блогеры, пытающиеся заработать на трагической гибели в 1959 г. на Северном Урале туристической группы («загадка перевала Дятлова») [7], активно используют обвинения в плагиате в качестве рекламы собственных «версий». Наряду с присвоением себе статуса «исследователя», данный прием информационного маркетинга позволяет создавать информационно-семиотические фикции, способствующие получению различных предпочтений, как символических, так и вполне материальных (монетизация). Уже сам факт подобного обвинения меняет символический статус текста: фантазия, выдумка превращается в едва ли не научную гипотезу или художественное произведение, предмет авторского права. В любом случае имплицитруется то, что позариться можно лишь на то, что обладает ценностью – «аргумент от врага». В сфере псевдонауки обвинения такого рода удобны, так как использующий данный нарратив не приводит доказательств (во всяком случае, серьезных), а сплошь и рядом их нахождение невозможно вообще.

Наиболее и очевидно близким к обычному скандалу ходом является указание на те или иные черты, особенности, события личной жизни, причем подчас они или не проверены, или заведомо ложны. Могут использоваться слухи и сплетни, по мере разворачивания приобретающие все больше ложных и диффамирующих черт. Для вульгарной публики такие подробности всегда интересны, для диффамируемого они редко бывают предметом оправданий, так что использовать обращение к личной сфере еще и довольно безопасно.

В некоторых случаях однозначное отнесение к той или иной разновидности неочевидно. Если Геннадий Малахов все же противопоставлял себя официальной медицине (как только прекратились попытки его самопрезентации в СМИ, исчезли и его обсуждения в интернете, вроде ресурса, объединявшего «нелюбителей Геши Малахова» – самоназвание группы [6]) и поэтому вписывается в конспирологическую модель, то доктор Попов, чье имя и высказывания («сила земли» и проч.) несколько лет назад стали ме-

мом, не являлся безусловно оппонирующим чему-то определенному элементом нарратива. Исчезновение его видеороликов из интернета повлекло окончательную утрату интереса к «медицинским технологиям» и практическое забвение нового врачевателя.

Для повышения значимости «исследований» могут привлекаться особенности местности, которая позволяет пользоваться невиданными источниками, создает особую атмосферу, дает мистическую помощь. Начинается обожествление субстанций, природных объектов (парарелигиозный вариант неомагизма и неомифологии). Порой наблюдается прагматический круг: некий исследователь вдохновляется мистической помощью некоего пространственного локуса и изучает его же. Часто такая локальная наука противопоставляется науке крупных урбанизированных центров, что дополнительно создает мотивацию к продолжению занятий локальной наукой, успехи которой плохо признаются вне этого локуса.

В. Чудинов с определенного момента стал заявлять, что многочисленные ~глифы, читаемые им практически повсюду, принадлежат «тонкому миру», а значит, критика со стороны тех, кто в тонком мире читать не может, лишена какой-либо значимости.

Обнародование сведений, относящихся к личной жизни, различных семейных неурядиц, историй дискредитирующего характера является традиционным приемом информационной войны. Если в научной дискуссии *argumentum ad hominem* считается логической ошибкой и этически неприемлемым действием, в дискурсах паранаучного скандала он используется активно и продуктивно. Подобные «разоблачения» способны поддерживать интерес к тематике затухающего скандала, активизируя просмотры контента падкими на слухи и сплетни личностями. Поскольку подобные «обвинения», как правило, провоцируют встречные контробвинения, развитие дискурса осуществляется по спирали, витки которой символизируют расширение его информационного объема.

Так, например, предание гласности семейных неурядиц престарелого профессора В.А. Чудинова, сделанное его бывшей женой, было направлено на формирование представлений об экстравагантном «ученом» как о несамостоятельном человеке. Это позволило объявить «лингвистику Чудинова» коллективным продуктом и обеспечить символическую «приватизацию бренда» бывшими единомышленниками – личностями, придерживающимися столь же ненаучных взглядов, но не обладающих харизмой и артистичностью «странного профессора» и – как следствие – его популярностью. Следует отметить, что после фактического развода бывшая супруга публично признала, что многими людьми, не посвященными в личную жизнь пожилого профессора, она воспринималась как его дочь или племянница из-за большой разницы в возрасте [10], что придавало всей ситуации дополнительную пикантность.

Для понижения символического авторитета Чудинова было использовано детальное перечисление благодарностей, оказанных женой престарелому супругу, включая частичный ремонт квартиры, протезирование зубов и обеспечение «чистой биодоступной водой», так осуществлялось замещение образа «революционера в науке» образом беспомощного пожилого человека. Это способствовало приватизации бренда. То, что данный перечень вызвал иронические комментарии в стилистике скоморошества, вполне соответствует прагматической ситуации, развивающейся по паттерну черного PR.

Однако поскольку серьезное понижение символического статуса В.А. Чудинова для «продолжателей его дела» было нежелательно по причине возникновения сложностей с продажей информационного продукта, четко ассоциирующегося с личностью Чудинова, для частичной реабилитации последнего были использованы конспирологемы, согласно которым причиной конфликта было влияние неких враждебных сил на страдающего от старческой немощи пожилого человека, который «попал в хитрый клубок интриг, которые заплели те, кто плотно влезли в его душу» [10]. То есть виноват не сам Чудинов, но некие «враги».

Этой тактике способствовали присутствующие на уровне интертекстуальности коннотации формируемого образа В.А. Чудинова – старика, созвучные стереотипичным представлениям о «классическом ученом», доверчивом и беспомощном в повседневной жизни, а потому нуждающимся в постоянной заботе лиц, которые организуют его быт и создают условия для «научных открытий». Поскольку подобный образ ученого является вполне симпатичным для большинства реципиентов, референции к нему способны при изменении символического статуса Чудинова («единоличный автор революционных открытий в науке» – «талантливый и трудолюбивый руководитель исследований») сохранить личный авторитет последнего на уровне, необходимом для продолжения успешной монетизации проекта. Обнародование сведений, относящихся к личной жизни, активно практикуется в «дятловедческом» и иных информационных скандалах.

«Альтернативные науки» формируют наделенный специфическими чертами дискурс, генерирующий спаренные тексты, являющиеся травестийным дополнением к основным, хотя и сами основные обладают достаточным комическим и скандальным потенциалом. Скандал может быть как деструктивным и опасным (обычно при копировании академической науки и агрессивном стремлении быть к ней причисленным), так и комичным, малоопасным – буффонадным (в случае травестирования псевдообраза, выявления несостоятельности). Насмешка уничтожает резервы влияния [2, с. 269]. Переводя скандалы первого рода во вторые, общество ограждает себя от деструктивных процессов, при этом образуются регулярные сценарии, могущие существовать длительное время, превращаясь в традиционные сценарии культуры. Альтернативная наука занимает отдельное место в

культурной семиотике скандала, восходящего к архаичным формам трикстерства, карнавальности как универсальным структурам культуры.

Список литературы

1. Блогеры: группу Дятлова убили манси, а прокурор их прикрыл [Электронный ресурс]. URL: https://eanews.ru/news/blogery-gruppu-dyatlova-ubili-mansi-a-prokuror-ikh-prikryl_17-05-2021. (дата обращения 10.09.2023).
2. Григорьева Н. Смех и зрелище в работах Бахтина и Плеснера / Семиотика скандала: сб. статей. М.: Издательство «Европа», 2008. С. 260–290.
3. Дарнтон Р. Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 240 с.
4. Изобретатель Петрик разоблачил заговор иностранцев против русской науки [Электронный ресурс]. URL: <http://topicnews.net/full/izobretatel-petrik-razoblachil-zagovor-inostrancev-protiv-russkoiy-nauki>. (дата обращения 10.09.2023).
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2009. 943 с.
6. Клуб нелюбителей Геши Малахова [Электронный ресурс]. URL: <https://malahov-minus.livejournal.com/>. (дата обращения 10.09.2023).
7. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. «Перевал Дятлова»: структура, динамика и семиотика мифосферы // Вестник славянских культур. 2021. № 60. С. 97–113. – DOI 10.37816/2073-9567-2021-60-97-113.
8. Мачете. О жизни с нежностью и сарказмом [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/id/5d2ad53ae854a900ac3df03b>. (дата обращения 10.09.2023).
9. Термины и понятия радикальных религиозных субкультур : словарь-справочник: уч. пособие / А.М. Прилуцкий, А.В. Гайдуков, Д.Т. Хусаинов, Д.А. Головушкин; Центр экспертиз Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2023. 171 с.
10. 6 февраля умер В.А. Чудинов. Пора вам узнать правду... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QmUeLJXAkI0>. (дата обращения 10.09.2023).

INFORMATION SCANDAL AS A STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF «ALTERNATIVE SCIENCES»

V.Y. Lebedev¹, A.M. Prilutskij²

¹Tver State University, Tver

²Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Information scandals are a hallmark of modern «alternative sciences». If academic science traditionally tries to avoid scandalization, supporters of alternative sciences actively use information scandals to attract public attention to various extravagant theories. In the modern information society, such scandals are easily monetized, which brings quite material dividends to their participants. This article is devoted to the analysis of such information scandals; the authors propose their typology based on the specifics of pragmatics. The article was

written within the framework of a semio-hermeneutic approach to the study of complex socio-cultural phenomena; original publications posted mainly on the Internet were used as illustrations.

Keywords: *fake information, scandal typology, conspiracy theories, science, culture.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, Институт педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2023.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2023.